

Воспоминания о детстве и творческая биография Л. Шимановича

Адресные данные Л. Шимановича сообщила нам Неля Фукс, что и помогло с ним связаться и получить от него эти записки.

Здесь и в дальнейшем я буду писать обо всех событиях подряд, как они лежат в моей памяти, хотя между ними пролегли долгие годы.

Какое же было мое детство? В моем понимании оно началось с того момента, как я себя помню. А помню я себя, начиная с четырех лет. Почему именно с четырех? А потому что ровно через две недели после того, как мне исполнилось четыре года, родился мой брат Мотя, впоследствии его переименовали, и сейчас он Марк, хотя для меня он всегда Мотя. Также переименован был я. После того как я родился, мне дали имя Лейзер и, естественно, зарегистрировали меня под этим именем. А назвали меня в честь какого-то родственника, который славился своим умом, оптимизмом и добротой. Он был очень религиозным человеком и очень любознательным. Ему прочили большое будущее, но еще будучи молодым, он был убит во время очередного еврейского погрома. Говорят, еврейское имя Лейзер носил помощник Б-га, который, якобы, отвечал за здоровье людей. От него и произошло слово лазарет. Думается, что это байка, хотя кто знает. Я не помню, чтобы меня когда-то и кто-то звал Лейзер. Это имя фигурирует только в моих официальных документах. Всю мою жизнь, сколько я себя помню, меня звали Леней.

Так вот, я очень хорошо помню, как все ходили счастливые по поводу рождения моего брата, отчетливо помню, как на седь-

мой день (так полагается по еврейскому закону) какой-то старик, которого я потом возненавидел, совершил над Мотей обряд обрезания. Возненавидел его потому, что Мотя очень плакал, и я плакал вместе с ним, и до моего сознания никак не могло дойти, почему все радуются, поздравляют папу с мамой, в то время как мы с братиком заливаемся слезами.

Я родился 8 февраля 1927 года на Украине, в маленьком еврейском местечке под названием Фрамполь. Я не знаю, каково было население этого местечка, но знаю, что в нем было около трехсот домов. Я как-то задумался, почему маленькие еврейские селения называли местечками, а не селами или деревнями, как обычно в России или на Украине. Название местечко существовало еще с давних, дореволюционных пор. Мне думается, это потому, что евреям в те времена разрешалось селиться и останавливаться только в определенных местах, и слово местечко происходит от еврейского слова «штетл», что в переводе с еврейского означает остановка. Но, так или иначе, я имел честь родиться в этом маленьком очаровательном местечке.

Вообще дата (а не год) моего рождения находится у меня под сомнением, так как в те времена в этом местечке не существовало бюро регистраций, а регистрировал новорожденных раввин в синагоге по еврейскому летоисчислению, которое, как известно, отличается от христианского. Записывал детей он на древнееврейском языке в книгу, которая, естественно, не сохранилась. Гражданская же регистрация с выдачей свидетельства о рождении производилась в районном центре, находившимся где то в 50-ти километрах от Фрамполя, и туда ездили только по случаю. И вполне возможно, что мой папа зарегистрировал меня там через год, а то и позднее, и вряд ли он точно помнил истинную дату моего рождения. В те тяжелые времена у него в голове были совсем другие проблемы. Позже я несколько раз спрашивал его об этом, но он отмахивался и говорил, что помнит только, что, когда я родился, был лютый мороз, и это событие произошло накануне еврейского праздника Пурим, который, как правило, бывает в феврале. Я уже не стал докапываться дальше, восьмого — пусть будет восьмого, меня это вполне устраивает. И все-таки я уверен, что восьмое — это день регистрации, а не день моего рождения.

Что же собой представляло местечко Фрамполь? Это была населенная только евреями деревня или село, в котором жили при-

мерно 300 семей. Так как в те времена семьи были большие, то население в нем было совсем даже не малым. В центре местечка был большой двухэтажный дом из красного кирпича, который по сравнению с другими домами представлялся мне громадиной. Дом принадлежал очень богатому человеку, кстати двоюродному брату дяди Гедаля. Часть дома он отдал под театр. Рядом стояли небольшие, но добротные дома, а ветхие домишки бедных людей ютились на окраинах.

Сословия были разными. Было несколько очень богатых людей, которые занимались ростовщичеством и большой коммерцией, затем средний класс — коммерсанты, за ними шли мелкие лавочники и ремесленники. Основным видом ремесла было портняжничество и сапожничество. Был и один парикмахер. К этим ремесленникам обращались не только местечковые евреи, но и жители окрестных украинских деревень. Они продавали евреям овощи, фрукты, мясо и птицу, а покупали у них бакалейные изделия, стройматериалы и мануфактуру. Вплоть до самого начала войны местечко и окрестные деревни жили в большой дружбе. Селяне говорили, что «наши евреи для нас как братья». Но во время войны, когда наступили трудные времена, вся дружба закончилась, и отдельные люди из украинских сел помогали немцам убивать евреев в местечке, а также выдавали спрятавшихся. Эта метаморфоза остается неразгаданной загадкой. Конечно, были и такие, которые помогали землякам прятаться.

В дореволюционном и послереволюционном местечке было много интересной молодежи, которая рвалась к знаниям. Молодые люди часто собирались и много дискутировали по поводу необходимости создания еврейского государства, пели и танцевали, создали даже свой любительский театр, душой которого был дядя Мендл. Было несколько политических кружков, в которых деятельное участие принимали мама и ее сестры. Многие молодые люди в 1930-е годы уехали в Киев, Харьков, Одессу, Москву, где получили образование и стали хорошими учителями, врачами и инженерами.

В семилетнем возрасте меня определили в единственную в местечке школу. Помню, как я был счастлив, когда мама купила мне тетради, ручку, чернильницу-непроливайку и карандаш с ластиком. Занятия велись на еврейском языке (идиш) и на украинском. Отметки у меня были хорошие, чему родители всегда

очень радовались. Но прозанимался в школе я всего один год, так как мы переехали жить в Днепрпетровск. Там начались мои первые в жизни мучения и страдания. Мучения потому, что хоть я и знал украинский язык в том смысле, что умел говорить и все понимал, но совершенно не умел хорошо писать и читать, а страдания, потому что я постоянно подвергался злым насмешкам и издевательствам, а иногда и побоям по поводу моего деревенского происхождения. Но через год я освоился, начал давать сдачи. Учительница меня похвалила в конце года, и я был счастлив. К сожалению, это счастье длилось недолго.

Мы переехали в Подмосковье, в Пушкино, и тут начались такие мучения и страдания, по сравнению с которыми жизнь в Днепрпетровске казалась мне раем. Я совершенно не мог говорить по-русски, а моя смесь украинского с еврейским языком вызывала дикий смех и издевательства. К тому же меня возненавидела учительница, то ли из-за того, что я выглядел туповатым, то ли из-за того, что подчас не понимал, что она от меня хочет, а может быть оттого, что я еврей. Свое негативное отношение к евреям она, не стесняясь, высказывала открыто, даже в присутствии детей. Я ужасно терзался, приходил домой в слезах. Несколько раз мама пыталась поговорить с ней, но она всегда отвечала, что не виновата в том, что мама родила и воспитала такого тупого ребенка. На мое счастье родители купили часть дома в другом конце города, и меня перевели в другую школу, где я был вознагражден за все мои предыдущие страдания.

Вспоминая то время, мне трудно найти слова огромнейшей благодарности моей новой учительнице Анне Васильевне, этому добрейшему, нежнейшему и умнейшему человеку. Только благодаря ей я быстро освоился и поверил в себя. Она сразу поняла, что я далеко не тупой, и если со мной немного позаниматься и уделить мне чуть больше внимания, из меня может выйти толк. И я не подвел ее, и уже в следующем году за хорошую учебу я был награжден похвальной грамотой, при получении которой на глазах у всех я не смог сдержать своих слез и расплакался от счастья. Похвальные грамоты я получал и все последующие годы.

Из моего раннего детства во Фрамполе воспоминания у меня очень смутные. Летом бегал с мальчишками босиком по пыльным дорогам, катая чугунное колесо специально изогнутой для этого проволокой, а зимой играл в снежки и катался на санках, когда

выпадал снег. Так как Фрамполь находился ближе к югу, то снег держался не очень долго, и мы, дети, были всегда счастливы, когда он выпадал.

У бабушки за домом был огород, за забором которого росла акация. Она необыкновенно красиво цвела, и я очень любил жевать ее цветы. У нее был такой сладкий вкус и приятный тонкий запах, что я запомнил ее на всю жизнь. После моей женитьбы, когда в Москве впервые появились духи «Белая акация», я всегда дарил их моей жене Гите на день ее рождения или на 8 Марта. Ей они тоже очень нравились. Ел я цветы акации еще и потому, что сладостями меня дома не баловали — ни конфетами, ни сахаром. Сахар был только к чаю. Правда, в доме всегда было сливовое повидло. Каждый день, в течение долгих лет, моим завтраком был кусок черного хлеба, намазанный поперх слоем масла и повидла, и стакан молока или стакан сладкого чая.

Помню, как радовался я, когда папа привозил из Одессы, куда он изредка ездил по делам, мандарины. Как-то раз он привез мне подарок — маленький черный фрак, черные брючки, лакированные туфельки, цилиндрик на голову и маленькую тросточку. В таком наряде меня сфотографировали, и очень жалко, что карточка где-то затерялась. Не знаю, почему тогда пришлось ему в голову купить мне такой наряд. Я полагаю, что он очень мечтал, чтобы в будущем я стал образованным человеком, и как же он был счастлив, когда его мечта сбылась.

Когда в стране началась коллективизация, во Фрамполе стали заставлять всех, вне зависимости от того, занимался ли человек крестьянским трудом или нет, вступать во вновь образованные колхозы. Так как долгое время папа был коммерсантом, его совсем не прельщала работа в колхозе. Работать в другом месте было невозможно, потому что людям в деревнях и местечках не выдавали паспорта, а без паспорта нигде на работу не принимали.

Папа как-то умудрился уехать в Днепропетровск и устроиться на только что пущенный металлургический завод помощником кузнеца. Там была ужасная нехватка рабочей силы, и дирекция завода выхлопотала себе право принимать на работу людей без паспортов с условием, что, проработав два года, они и члены их семей получают право на получение паспорта. Папа тут же вызвал нас, и мы два года прожили в Днепропетровске.

Добрых воспоминаний о жизни в Днепропетровске у меня не сохранилось. Было очень трудно вписаться местечковому мальчику в городскую жизнь, особенно мальчику, говорящему на странном, не совсем понятном еврейско-украинском языке. Все было: и дразниловка, и побои, и неприкрытое недоброжелательство.

Снимали мы квартиру у хозяйки. Она была пьянчужка, но была добра к нам. Очень уважала и любила маму и всегда заступалась, когда хулиганистые мальчишки пытались меня избивать. До сих пор помню адрес дома, где мы жили — Глухой переулок, дом 13.

Дом, где мы жили, находился недалеко от Днепра, и мы с Мотей в теплое время долго просиживали на его красивом берегу и наблюдали за рыбаками. Они были очень добрые и разговорчивые, и я любил беседовать с ними. К нам они относились хорошо и часто отдавали нам немалую часть своего улова. Один пожилой рыбак, услышав про наши проблемы, всегда гладил нас по головам, приговаривая: «Нэ биспокийтэс, хлопчики, усэ будэ добрэ».

Иногда мама водила нас в кино. Кинотеатр носил популярное в то время название «Рот-фронт», и находился он на главной улице под названием Проспект Маркса. Я не уверен, что до сих пор все эти названия сохранились, но в моей памяти они остались. Друзей в Днепропетровске у меня не было, отчего я очень страдал.

Хорошо помню ужасный папин вид, когда он, изможденный от тяжкого непривычного труда, еле передвигая ноги, весь грязный, приходил домой после работы и, не произнося ни звука, замертво сваливался на кровать. И уже потом я понял, что все это он делал ради нас, детей, чтобы вывести нас в люди. К великому моему сожалению, да и наверное к стыду моему, я был недостаточно внимателен к папе, когда он остался один после смерти мамы, которую в течение всей своей жизни очень любил.

С огромной, неописуемой радостью я услышал от родителей весть о том, что мы переезжаем в Москву. Я не мог предположить, что меня ждут там не сравнимые с днепропетровскими страдания, о которых я писал выше.

Михаил Фрейдер послал Леониду схему местечка, выполненную А. Лейбманом, и задал еще несколько вопросов, спросив также и о своем дедушке Мойше Фрейдере. В ответ получил продолжение воспоминаний.

Конечно, я узнал на схеме бабушкин и наш дом. Так как большую часть своей фрампольской жизни и времени я провел в бабушкином доме, на меня нахлынули воспоминания о счастливых временах детства в этом доме. Бабушкин дом находился на правом въезде в село в левом углу перед базаром.

Бабушка содержала лавку и в базарные дни (среда) в доме было много покупателей из окрестных сел. Помнится, на базар приезжали крестьяне продавать, помимо всего прочего, холодец в тарелках. Он выглядел очень аппетитно, но мама всегда уводила меня, так как он был сварен из свинины. Его необыкновенный аромат всплыл в моей памяти.

В доме справа, по другую сторону дороги, жила семья, которая часто вызывала очередное событие в местечке. Жена была намного моложе мужа и завела любовника, у которого была тоже семья. Любовник приходил обычно днем, когда мужа не было дома, и сразу же кумушки сообщали его жене. Та подходила к дому и с криком бросала в окна камни, разбивая все окна. Все местечко, любопытствуя, сбегалось и потом долго обсуждало это событие. И так до следующего раза. Я извиняюсь за эту маленькую бытовую картинку, но, взглядываясь в карту, сам не пойму, почему это мне вспомнилось.

Мне знакома и фамилия Харламб. Я действительно учился у Исаака Иосифовича в семилетнем возрасте, когда и закончил первый класс. Хорошо помню, как мои родители перед отъездом из Фрамполя пришли к нему и поблагодарили.

Очень смутно помню Вашего деда. По еврейской религии перед новым еврейским годом необходимо совершать обряд жертвоприношения. Жертвой являлась курица. Так вот, каждый год папа приводил меня к вашему дедушке, и тот резал принесенную курицу а затем три раза махал ею над моей головой одновременно читая молитву. У меня это сохранилось в памяти потому, что я всегда плакал глядя на зарезанную курицу. Фамилия Дейчман мне знакома. Ее иногда упоминали у нас в доме.

Шиманович предложил прислать свою автобиографию, она оказалась очень интересной и подтвердила наше представление об остром стремлении потомков Фрамполя к знаниям.

*Хая Шиманович (Мермулис)
и Соломон Шиманович,
Фрамполь, ок. 1920 г.*

*Молка Мермулис
и Эйних Гурфинкель.*

*Слева-направо, взрослые: Надя — жена Марка Шимановича,
Хая Шиманович, Леонид Шиманович, Соломон Шиманович,
Наум Шиманович, Гита Шиманович — жена Леонида, 1957 г.*

Я родился 8-го февраля в местечке Фрамполь. Когда мне исполнилось 8 лет, наша семья переехала в Днепропетровск, а спустя два года мы переехали в г. Пушкино, расположенный в 30 км от Москвы. Первым был мамин старший брат, мой дядя, Мермулис Янкель Мордухович. К сожалению, скорее всего по молодости, я в свое время не интересовался причиной его отъезда из Фрамполя. Приехал он в Москву с семьей в 1933 году. О нем знаю, что он родился в 1892 году был любимцем и надеждой семьи. Во Львове он получил религиозное образование и со статусом раввина вернулся во Фрамполь. Религиозной деятельности он предпочел коммерцию. Какое-то время помогал родителям, а затем покинул Фрамполь. Умер он 1975 году. У него было трое детей, из которых двое умерли, а младшая дочь живет в Иерусалиме.

Вслед за ним через какое-то время в Пушкино приехала наша семья. Нас в семье было трое, младший брат умер, а средний, Марк, живет в Москве. Ему сейчас 78 лет.

Имена родителей: отец — Шиманович Шулим Волькович (Соломон Волькович, 1901 — 1976), мама — Шиманович, дев. — Мермулис, Хая-Бейла Мордуховна (Клара Марковна, 1901 — 1965). Мое имя — Шиманович Лейзер Шулемович (Леонид Соломонович), брат — Мортко Шулемович (Марк Соломонович).

Вслед за нами в Пушкино приехали из Фрамполя обе мамыны сестры с семьями. Средняя сестра и ее муж умерли, а их дети живут в Америке. Младшая мамаина сестра (Вайсман Лея Мордковна — *Прим. авт.*), возраст которой 97 лет, живет с детьми в Израиле, а муж ее умер в Пушкино.

Приближалась война. После ее начала, в октябре 1941-го года, мы всем кланом уехали в эвакуацию в г. Самарканд, Моя мама была очень семейным человеком и могла быть спокойной только лишь, если ее младшие сестры и братья были рядом. Вообще она была неординарным человеком. Была умна, добра и мудра. Она пользовалась огромнейшим уважением жителей Фрамполя и родственников за ее необыкновенную доброту. Где что случалось, тут же прибегали к ней.

В ноябре 1943-го года возвратились в Пушкино. В Самарканде, в силу разных ситуаций, связанных с болезнью родителей, учиться в школе мне не пришлось. В сентябре 1943-го года за два месяца до возвращения я экстерном окончил среднюю школу.

В феврале 1944-го года в МВТУ им. Баумана был объявлен зимний набор и я поступил на 1 курс на факультет ракетостроения. На мое счастье вступительные экзамены в то время не требовались. Заведующим кафедрой ракетостроения был С. П. Королев. По окончании института Королев отобрал группу, отлично защитивших диплом, для работы в его КБ. В числе отобранных был и я. Я проработал у Королева два года и хорошо вписался в коллектив.

В начале 1950-х годов в стране был развернут дичайший антисемитизм, и началось масштабное увольнение евреев. Я попал в число пострадавших. Королев пытался меня отстоять, но органы КГБ были ему не подвластны. Шесть месяцев я занимался поиском работы, и все было безуспешно. Везде висели объявления о вакансиях, но когда я приходил и показывал свой паспорт был ответ, что я, мол, опоздал. Как-то я позвонил в одно учреждение, они спросили меня, какой институт я закончил, и, услышав название Бауманский, радостно ответили, что именно такие специалисты им нужны, и просили тут же приехать. Увидев мое лицо, стали вежливо извиняться, мол, я опоздал, уже взяли человека.

Но мир, несмотря ни на что, не без добрых людей, и мне встретился добрый человек — главный инженер проектного института нефтяной и нефтеперерабатывающей промышленности, который, выслушав меня, понял ситуацию и принял меня на работу. Его не смущало, что у меня нулевые познания в этой области. Он говорил мне, что ему важно мое образование. Я был счастлив, что нашел работу и начал лихорадочно заново изучать то, о чем я не имел ни малейшего представления. Со временем освоился и в результате проработал в этом институте 42 года, вплоть до отъезда в Америку. Дослужился до должности гл. инженера института, Являюсь Лауреатом Государственной Премии. В Америке, в связи с преклонным возрастом и полным отсутствием в момент приезда языка, даже не старался искать работу. Правда, одна американская фирма, с которой мы долго сотрудничали, предложила мне работу консультантом, но я понял, что без хорошего английского будет крайне тяжело и отказался.

Почему я эмигрировал в Америку? Казалось, чего только мне не хватало. У меня была прекрасная, хорошо оплачиваемая работа, прекрасная должность. Последние пять лет я не вылезал из зарубежных командировок. У нас были контракты со многими

европейскими фирмами, и я, практически, объездил всю Европу. Как специалист, я завоевал признание и авторитет во многих инженерных фирмах, в том числе и за рубежом.

Но все хорошее длится не так долго. В августе 1985-го года, возвращаясь домой, после напряженного трудового дня, я увидел на полу у входных дверей какой-то странный предмет. Я взял его в руки, чтобы выбросить и тут раздался взрыв, в результате которого мне оторвало кисть левой руки и правый глаз. Оправившись, я вышел на работу и проработал еще 10 лет, но все это время меня не оставляла мысль о том, что вдруг опять что-то аналогичное может случиться. Со временем я созрел для эмиграции. Да и возраст уже подталкивал, мне тогда было уже 68 лет.

День трагедии фрампольцев — 19 октября 1942 года, что соответствует — 8 Heshvan 5703 года. В этот день я каждый год в синагоге в присутствии прихожан читаю Кадиш, приношу с собой вино и легкую закуску и рассказываю о трагедии. Как мне объяснил раввин, это не обязательный, но желаемый ритуал.

Рассказ Д. Паттира о семье Пахтер

Во время своего приезда в Косогорку в ноябре 2008 г. Роман Геллер узнал от Маши Боднар, что прошедшим летом и ранней осенью в Косогорке побывали два потомка жителей Фрамполя. Один из них — Дан, с которым М. Фрейдер обменялся несколькими письмами. Дан Паттир проживал в 2008—09 гг. в Израиле, где и родился в 1933 г. Вот, о чем он рассказал в своих письмах.

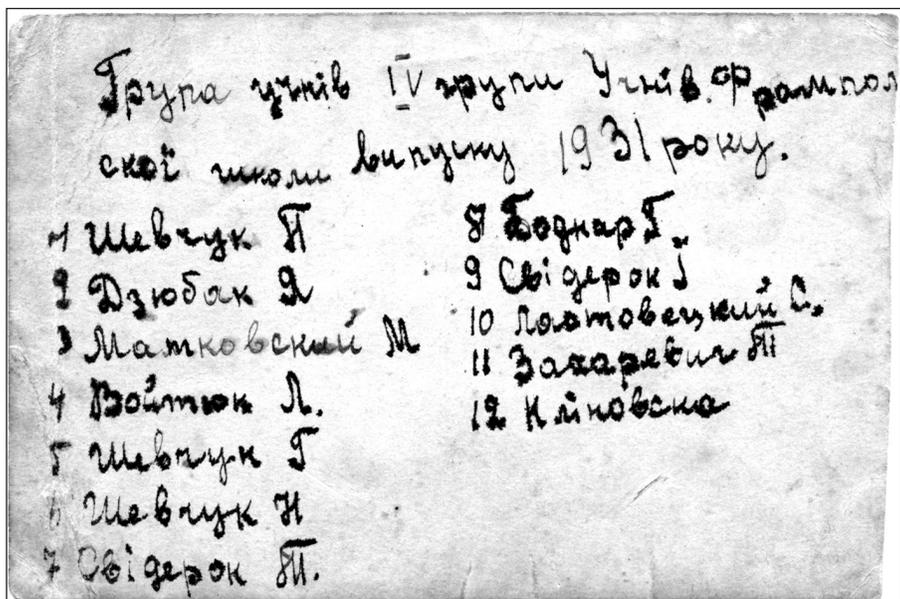
Отец Паттира, Тувия Пахтер, родился во Фрамполе примерно в 1904 г. от родителей Моше и Фриды. Тувия Пахтер имел трех сестер. Их звали Рифка, Сара и Женя. Убегая от погромов, отец покинул Фрамполь в 1920—21 гг. Через Польшу он прибыл в тогдашнюю Палестину, в Хайфу, в 1922 г. Закончив сельскохозяйственную школу, Тувия стал кибуцником. Он женился, и в 1931 г. родился Дан.

Отец Паттира потерял связи со своими родственниками во время войны, считая, что все погибли. После долгих поисков он узнал, что его мать, Фрида, и его младшая сестра Женя спаслись. Но больше информации в Советское время было получить не просто. Он безрезультатно посылал массу запросов в различные инстанции. Но вдруг их выпустили. Это было 1964 г. Состояние их здоровья было плохим из-за ужасных условий во время нахождения в укрытии в годы войны. Фрида прожила три года, наслаждаясь жизнью вместе с сыном, внуком и правнучкой, первой дочерью Дана. Его тетя, Женя, долго лежала в больнице и умерла в 1976 г. (Женя Пахтер может быть узнана в молодом возрасте среди учителей Фрампольской школы на фото 1931 г. и на фото 1950—1960 также среди учителей — *Прим. авт.*).

Отец Дана прожил значительную жизнь, выступив основателем кибуца Тел Монд, он командовал подразделением во время

Ученики и учителя, сверху директор школы Николай Леонтьевич Захаревич, слева учительница Нина Ивановна Захаревич, справа учительница Женя (Геня) Пахтер, в первом ряду вторая слева Таня Захаревич (12 лет), Фрамполь, 1931 г.

Обратная сторона фото 1931 г. с перечнем учеников

войны за независимость в 1948 г., был командиром отряда летчиков. Далее он вернулся к работе на земле. Отец умер в 1982 г.

Сам Дан родился в Тел Монд, закончил в 1952 Еврейский университет, специализируясь на политических науках и истории. Он женился в 1956 г. Проработал почти 50 лет в журналистике, работая в различных средствах массовой информации (радио, газеты). Дан Паттир являлся президентом ассоциации журналистов Израиля.

Во время нашего совместного путешествия в Косогорку в 2009 г. Мальвина Наумовна Брыжатая, внучка И. И. Харламба, также заговорила о своих родственниках со стороны бабушки, Софьи Цалевны. У нее была сестра Фрида Пахтер, как все говорили «Мошкова жена», по имени ее мужа, Мошко. Одна из дочерей Фриды работала еще с довоенных времен учительницей в Косогорской школе, звали ее — Женя. Так соединился рассказ Дана Паттира и короткие воспоминания Мальвины, троюродной сестры Дана, живущих в разных странах. Михаил об этом рассказал Дану в своем письме, но переписка Д. Паттира с М. Фрейдером по неясным причинам прервалась.

Воспоминания Н. Фукс о родителях

Как уже упоминалось, одним из первых переехал в Москву из Фрамполя А. Лейбман, позже, в конце 1930-х годов, — его братья Лева и Семен. Семен Лейбман (1912—1988) все последние годы прожил в Пушкино, здесь и сложилась его семья. В процессе подготовки книги мы получили большую помощь от дочери Семена Нели Фукс. Ее рукой написаны и эти заметки.

Папа, Лейбман Семен Григорьевич, родился в семье ремесленника на Украине в местечке Фрамполь. До 1917 года его отец работал ремесленником по изготовлению веревок для сельского хозяйства, мать была домохозяйкой. После 1917 года родители продолжали работать дома, а с 1931 года вступили в члены колхоза. В 1941 году родители папы погибли при оккупации Украины немецко-фашистскими войсками.

В 1933 году папа окончил школу ФЗУ при заводе им. Дзержинского в городе Днепродзержинске по специальности лаборанта-механика. После окончания школы ФЗУ он ушел служить добровольцем на границу в войска СГПУ, где и прослужил до 1937 года.

В 1937 году папа начал работать заместителем заведующего продмага № 7 мытищинской конторы «Облмосторга» в городе Лосиноостровске. С 1938 года работал заведующим этого магазина, потом заведующим базой и начальником специальной части Пушкинского торгового до августа 1941 г, то есть до ухода на фронт.

Когда началась война, папа был партработником, и у него была бронь. Он пошел на фронт добровольцем, служил политруком, но в октябре 1941-го в боях за оборону Москвы был тяжело ранен. В 1942 году после ранения он был демобилизован из армии, и до конца своей жизни папа — инвалид Отечественной войны.

Папа, будучи очень смелым и одновременно очень скромным человеком, избегал рассказывать про войну. Но однажды он рассказал о своем ранении. Дело было так: во время боя немцы бросали гранаты, а наши бойцы ловили и бросали обратно. Граната разорвалась сразу, когда поймал ее, папа бросил обратно в сторону немцев. Его тяжело ранило. Металлический футляр от расчески в нагрудном кармане защитил сердце от осколка разорвавшейся гранаты. Несколько пальцев на левой руке оторвало и изуродовало. До конца жизни в голове оставался осколок, который врачи советовали не трогать. Спустя много лет осколок в голове сыграл злую шутку, но об этом чуть позже. Папу отправили в госпиталь в Среднюю Азию. Мама целый месяц добиралась до него в теплушках.

Мама рассказывала, что в госпитале врачи отмечали, с каким мужеством папа переносил страшные боли: ни крика, ни стона. Когда родители вернулись в Пушкино, то оказалось, что квартира разграблена. Папа пошел в отделение милиции, и там увидел половики из своей квартиры. Сотрудники милиции пошли с ним по другим домам и обнаружили много вещей, принадлежавших нашей семье. Вернули все, что удалось найти. Оказалось, что дом был ограблен по инициативе одного из сотрудников милиции. Этого человека лишили брони и отправили на передний край, где он и погиб.

А вот как осколок напомнил о себе через много лет. В один из летних дней, когда вся семья была дома, раздался телефонный звонок. Звонил ближайший друг папы — дядя Гриша (Гедаль Вайсман — *Прим. авт.*). Папа снял трубку. Почему-то очень взволнованный дядя Гриша спросил, как папа себя чувствует. На что папа ответил, что здоров, как бык. Я запомнила этот день, как-будто это было вчера. Проходит какое-то время и к нам приходит дядя Лева (папин брат) весь в слезах. Обнимает папу, целует и видит, что папа здоров, все в порядке. И тогда выясняется, что кто-то из общих знакомых рассказал при встрече с кем-то, что Семен Григорьевич сошел с ума. Речь шла не о папе, а о другом человеке. По недоразумению, человек, которому об этом сообщили, решил, что это о папе, и что случилось это от сдвига осколка, оставшегося в голове после ранения на войне. Об этом узнал дядя Гриша, узнали Николаевские и другие. Переполюх был ужасный, а мы были дома, и ничего не знали.

У мамы (Фейга Ароновна Жердер, 1919—2005 — *Прим. авт.*) было тяжелое детство. Мамина мама, моя бабушка Рухля Жердер умерла в 1928 от рака. Дедушка Арон Рахмилиевич, мамин папа, остался с четырьмя детьми-девочками, из которых младшей была моя мама. Он женился на женщине с детьми. Жили они очень бедно. Сначала в Москву перебралась старшая сестра, тетя Фира, она жила в бараке и тяжело работала, затем к ней одна за другой приехали остальные сестры. Каждой было лет 11—14. Мама часто вспоминала, что, когда старшая сестра Фира купила ей ботиночки, то она была счастлива и долго не надевала их, а только смотрела на них, вытирая до блеска. Мама почти не умела писать, так как ей не довелось учиться. До того времени, как мама познакомилась с папой, она работала продавщицей в метро. Познакомили их общие знакомые. В 1940-м году мои родители зарегистрировали свой брак в загсе г. Пушкино.

Мама была очень красивая и веселая. Нравилась многим. Папа очень любил маму, заботился о ней и, конечно же, о нас с братом. Когда началась война, мама была беременна. И при очередном обстреле она потеряла неродившуюся девочку. Так война лишила меня старшей сестры.

Папа был жизнелюб, очень добрый, умный, щедрый и заботливый. Настоящий джентльмен, организованный и аккуратный. Мама была прекрасной хозяйкой. Выйдя замуж за папу, она уже не работала. Дома был культ мамы. Папа следил, чтобы мы не отлынивали от работы, помогали по дому, относились к маме с уважением и заботой. Отец для меня на всю жизнь остался примером, идеалом настоящего мужчины. Что бы ни происходило в жизни, он был надежным другом. Папы не стало в 75 лет. Он умер от очередного инсульта, до этого были инфаркты и другие болезни, но он никогда не жаловался. До самых последних дней его жизни я с ним советовалась, и всегда очень ценила его мнение. Светлый ум, светлый человек. Светлая ему память!

В октябре 1988-го года папа был похоронен на еврейском кладбище в Ивантеевке (возле Пушкино). Мама оставила себе место рядом с ним. Но жизнь распорядилась так, что рядом с папой похоронен мой брат Алик (он умер в 53 года). Смерть папы была для мамы непоправимым ударом. Жизнь остановилась. С тех пор она ни разу не пекла (а она славилась тем, как она готовила), уже не собиралось, как раньше, много родственников в нашем доме.

Семен Лейбман с женой Фаней, Ташкент, 1942 г.

Копия страниц военного билета Семена Лейбмана

Маму все очень любили. Она помогала своим племянницам. Например, у тети Фиры было трое дочерей, а муж погиб на фронте, она помогала, как и тете Ане, второй своей сестре. Ну, а когда случилось несчастье, и мама потеряла любимого сына, это была трагедия. Алик умер в октябре 1995 года. После этого мама жила с моей семьей.

До самого своего конца мама была душой в компании своих сверстниц, ее очень любили и уважали, до сих пор о ней вспоминают с любовью. В последние годы мама тяжело болела, и в 85 лет ее не стало. Светлая ей память!

Семен Лейбман, его жена Фаня Лейбман (Жердер), Елизавета Клейн, жена А. Лейбмана, А. Лейбман, Цхалтубо, 1971 г.

Сведения о семье Гендельман

Мы уже упоминали о том, что в 2008 году в Косогорку приехал потомок семьи Гендельман — Ави Бортман. Нам удалось связаться с ним. Сведений по истории семьи у него было не очень много, но Ави поражал живым интересом к истории своей семьи. В полном здравии находилась в 2009 г. и его мама Эстер Бортман (в девичестве Гендельман), родившаяся в 1923 г. в Проскурове. Ее отец, Исар Гендельман, переселился в конце 1910-х годов в Каменец-Подольский, а затем переехал в Проскуров вместе с многочисленными старшими сестрами и братьями Эстер. Спустя короткое время вся семья переехала в Киев, где они жили до начала войны.

Сама Эстер прожила в СССР до 1946 г., когда она уехала из страны Советов. В годы войны Эстер жила с семьей в Средней Азии, где поступила учиться в институт, который закончила сразу после войны, став юристом. Она до сих пор хорошо говорит по-русски, сохранила грамотность при письме.

Мама Эстер родилась в Шаровке, местечке, расположенном недалеко от Фрамполя. Эстер была знакома со своими бабушкой и дедушкой, жившими во Фрамполе. Как известно, ее дядя, Айзик Гендельман, погиб в числе казненных заложников. Его имя названо на памятнике заложникам.

По нашей просьбе Эстер прислала копию семейного фото начала 1920-х годов, выполненное до ее рождения. Приводим перечень членов семьи, представленных на фото. Верхний ряд: служанка Лена; второй ряд, слева-направо: Роза Гендельман, сестра Исара Гендельмана; жена двоюродного брата Исара; двоюродный брат Исара; Ита, мама Эстер; Велвел, брат Эстер; Малка, дочь Айзика Гендельмана, брата Исара; Поля, старшая сестра Эстер; Исар

Семья Гендельман, ок. 1915 г.

Гендельман, отец Эстер; Мендель Гендельман, дедушка Эстер; Хая Гендельман, бабушка Эстер; третий, нижний ряд: Песя, сестра Эстер; Шимон, старший брат Эстер; Хава, сестра Эстер; Рахель, сестра Эстер; Пинхас, брат Эстер; Дора, сестра Эстер; Ихииел, брат Эстер.

Родители Исара Гендельмана, он сам, его брат Айзик и сестра Роза родились и жили во Фрамполе. Напомним также, что Айзик, Роза (Рейза) и Малка упомянуты в списках погибших.